

сокращению участия в рабочей силе. Локауты и другие меры сдерживания подавляли спрос на рабочую силу и препятствовали поисковым усилиям некоторых работников, которые потеряли работу и оказались непосредственно в инертной фазе своей карьерной лестницы.

Проанализировав вышеуказанные статистические данные, можно подытожить, что реакция занятости в целом соответствует прогнозам динамического подхода к оценке ее долгосрочной взаимосвязи с ВВП. Однако уровень безработицы не увеличился по сравнению со вторым кварталом 2019 г., в то время как общее количество отработанных часов сократилось значительно больше, чем можно было бы ожидать, рассматривая его долгосрочную связь с ВВП. В третьем квартале 2020 г. наблюдаемые годовые темпы роста занятости и общего количества отработанных часов, по-видимому, в целом соответствовали их долгосрочной взаимосвязи с ростом ВВП, в то время как уровень безработицы сохранился на более низком уровне, чем можно было бы ожидать, учитывая его историческое совместное движение с ВВП.

Наблюдаемые сегодня тенденции несут положительный характер: идет постепенное восстановление уволенных рабочих, создаются новые рабочие места, обусловленные приспособлением многих предприятий, фирм и компаний к дистанционному режиму работы. Положительная динамика прогнозируется и на ближайшее будущее. Полного восстановления рынок труда достигнет, предварительно, лишь после 2027 года.

Литература

1. The impact of the COVID-19 pandemic on jobs and incomes in G20 economies [Электронный ресурс] / Документ МОН-ОЭС, подготовлен по просьбе лидеров G20 Председательство Саудовской Аравии в G20 2020. – Саудовская Аравия, 2020. – Режим доступа: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-dgreports-cabinet/documents/publication/wcms_756331.pdf. – Дата доступа: 13.04.2021.

2. Европейский центральный банк [Электронный ресурс]. – ЕЦБ, 2020. – Режим доступа: https://www.ecb.europa.eu/pub/economic-bulletin/articles/2021/html/ecb.ebart202008_02~bc749d90e7.en.html. – Дата доступа: 13.04.2021.

Синергетический потенциал валютной системы

*Шабан Е. Д., асп. БГЭУ,
науч. рук. зав. каф. Румянцева О. И., д-р экон. наук, доцент*

Как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе вопросы концептуальных основ самоорганизации социально-экономических систем, разработки методологических подходов к анализу и управлению социально-

экономическими системами на базе синергетики в целом в настоящее время находятся на начальной стадии своего развития [1, с. 162]. При этом «не может быть типовых технологий управления сложными системами. Каждый синергетический проект – это уникальное явление и требует глубокого анализа системы, выработки оригинального организационного (или организационно-экономического) механизма управления» [2, с. 26–27].

Целесообразной представляется, в частности, разработка синергетического подхода к анализу валютной системы. Валютная система относится к такому классу систем, для которых характерны отличительные признаки – вероятность развития, колеблемость показателей в динамике реального времени, невозможность оценить поведение параметров экономических категорий на длительную перспективу. В этом виде валютная система может быть рассмотрена как синергетическая структура.

Нелинейный подход в противовес линейной парадигме [2–12] учитывает следующие *нелинейные эффекты функционирования валютной системы*:

- эффект самоорганизации (синергии), то есть стремление участников валютной системы к формальной и неформальной упорядоченности (данный эффект, в частности, может сказаться на процессах противодействия официальной валютной политике (политика конфронтации));

- отсутствие эффекта суперпозиции, который подразумевает, что результирующий эффект воздействия не является суммой эффектов, вызванных каждым воздействием в отдельности (например, так: удвоение сбережений на банковских счетах не всегда обеспечивает удвоение дохода для субъекта хозяйствования и т.п.);

- вероятность развития валютной системы в режиме «странного аттрактора», то есть долговременное хаотическое непредсказуемое поведение системы внутри пространства, ограниченного набором имеющихся аттракторов (например, наличие устойчивого многообразия неустойчивых траекторий: ситуаций, часто возникающих в процессе функционирования валютных систем: инфляция, долларизация и пр.);

- возможность существования не одного, а нескольких квазиустойчивых состояний валютной системы с различными ее качественными характеристиками, переходящими в неустойчивые динамические режимы (так называемые «институциональные ловушки» с различным уровнем соотношения макропараметров, таких, как обменный курс, процентные ставки, которые зачастую далеки от оптимальных величин);

- возможность появления так называемых самоусиливающихся колебаний параметров системы, причем как с эффектом «захватывания» (например, взаимовлияние сегментов финансового рынка), так и с «синхронизацией» поведения ее участников («эффект толпы»);

- возможность генерирования катастроф, то есть неожиданных резких изменений качественных параметров валютной системы, возникающих как непредвиденная ее реакция даже на малейшее изменение условий (например, поступление негативной информации и пр.);

- возможность генерирования в валютной системе эффекта бифуркации, то есть резкой ее перестройки при изменении внутренних параметров и/или внешнего воздействия, в результате чего система теряет устойчивость, образуя новые, устойчивые или неустойчивые режимы, в рамках которых она продолжает развиваться до очередной потери устойчивости (вероятность данного эффекта усиливается с ростом информатизации общественной жизни).

Литература

1. Ерзнкян, Б. А. От синергетической экономики к экономической синергетике / Б. А. Ерзнкян // Экономическая наука современной России. – 2010. – № 2 (49). – С. 161–171.

2. Очерки по экономической синергетике / под ред. В. И. Маевского, С. Г. Кирдиной-Чэндлер, М. А. Дерябиной. – Москва: ИЭ РАН, 2017 – 182 с.

3. Кузнецов, Б. Л. Расширяющееся пространство синергетики (ученые о синергетике) / Б. Л. Кузнецов, д.т.н., проф. – Набережные Челны: Препринт, 2015. – 76 с.

4. Занг, В.-Б. Синергетическая экономика. Время и перемены в нелинейной экономической теории / В.-Б. Занг. – Москва: Мир 1999. – 335 с.

5. Якимкин, В. Н. Синергетика фондовых рынков / В. Н. Якимкин // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2008. – № 9. – С. 36–42.

6. Щербаков, А. В. «Экономика Чернавского» / А. В. Щербаков // Компьютерные исследования и моделирование. – 2017. – № 3. – С. 379–417.

7. Сорос, Дж. Алхимия финансов / Дж. Сорос. – Москва: ИНФРА-М, 1996. – 416 с.

8. Лепский, В. Е. Общественное участие в саморазвивающихся полисубъектных средах / В. Е. Лепский. – Москва: Когито-Центр, 2019. – 141 с.

9. Кусый, М. Ю. Самоорганизация и рефлексивные процессы в социально-экономических системах / М. Ю. Кусый // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2016. – № 3 (36). – С. 134–140.

10. Дерябина, М. А. Теоретические и методологические основания самоорганизации / М. А. Дерябина // Вестник Института экономики РАН. – 2017. – № 5. – С. 95–103.

11. Чупров, С. В. Финансовый хаос, самоорганизация и режимы с обострением производственной системы / С. В. Чупров // Известия Байкальского государственного университета. – 2014. – № 6. – С. 72–78.

12. Тарабрина, М. Е. Самоорганизация в сфере экономики / М. Е. Тарабрина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 6. – С. 77–80.